

УДК 1(091)

РОССИЙСКИЙ КОНСЕРВАТИЗМ В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Н.Н. Козлова

ФГБОУ ВПО Тверской государственный университет, г. Тверь

Автор исследует становление, этапы развития, содержание, специфику российской консервативной политической мысли, определяя её вклад в развитие отечественной политической философии.

Ключевые слова: консерватизм, традиционализм, «Православие. Самодержавие. Народность», апологетика.

«В современных исторических условиях декларирование приверженности консервативным принципам становится в российском обществе одним из принципов хорошего тона» – так начинают свою монографию, посвященную Л.А. Тихомирову, отечественные исследователи О.А. Милевский и А.В. Репников [45, с. 5]. По мнению Т.А. Филипповой, интеллектуальная мода на консерватизм, возникшая в России в 1990-х гг., была востребована властным дискурсом в начале XXI в. [55, с. 5].

Современные исследователи российского консерватизма отмечают актуальность обращения к созданной в его рамках в XIX–начале XX в. политической теории, ссылаясь на несостоятельность других направлений, игнорирующих прежде всего национальную культуру в развитии отечественной политики [14, с. 8; 46, с. 9]. Можно согласиться с их мнением, что именно консервативная идеология является национальной по своему характеру в силу своей приверженности к традиции. Российский консерватор К.Н. Леонтьев писал, что «охранение у каждой нации свое: у турка – турецкое, у англичанина – английское, у русского – русское; а либерализм у всех один...» [24, с. 362].

Ю.Т. Лисица рассматривает интерес к консерватизму глубокими провалами современного либерализма, «как ложно понятой и ложно практикуемой свободой», и социализма, «как неверно понятой и неверно решаемой социальной проблематикой», усугубившими мировой кризис и не способными в теоретическом плане предложить разумный выход из сложившейся ситуации [25, с. 6]. С точки зрения этого известного исследователя творчества И.А. Ильина, консерватизм – это правильно понятая свобода и правильно понятая социальная проблематика [там же].

Новый российский традиционализм опирается на модели консерватизма XIX в. Однако прежде чем приступить к анализу методологических принципов и базовых концептов российского консерватизма, рассмотрим некоторые важные специфические черты российской политической мысли, в рамках которой он вызревает.

«Русская политическая мысль – это социо -интеллектуальный феномен, имеющий достаточно чёткие хронологические рамки, границы. Она “просыпается” в прологе XIX века... В свои права вступала новая эпоха – Современность (Modernity)... Рождение русской мысли было русским ответом на французскую политическую и английскую промышленную революции... Русская политическая мысль просыпается, когда исторические часы показывают на “1812 год”... Но и верхняя граница не менее значима и значительная. Конец первой трети XX столетия подвёл кровавую черту, разделившую социальную историю нашего времени на эпоху “слова” и эпоху “дела”. Русская политическая мысль тоже “закругляется”» – так обозначил хронологические рамки, а также условия становления и завершения русской политической мысли известный российский исследователь Ю.С. Пивоваров [40].

Используемые Ю.С. Пивоваровым хронологические рамки «русской политической мысли» многие отечественные политологи ставят под сомнение и относят её зарождение к XI в., а окончание связывают с деятельностью российских эмигрантских кругов середины XX столетия – И.А. Ильина, И.Л. Солоневича и др. [7, с. 40; 54, с. 6; 37, с. 16; 13, с. 15; 10, с. 4–5].

Определяя специфику политической теории России, А.А. Ширинянец считает, что русскую политическую мысль необходимо рассматривать как национальную «часть особого направления в политологии, раскрывающую процесс эволюции мировой политической мысли, политических исследований и научного знания» [47, с. 9]. По его мнению, политическая мысль России полиморфна (включает многообразие форм) и полисемантическая (имеет многообразие значений, многозначность). С точки зрения А.А. Ширинянца, вплоть до XIX в., т. е. до начала процесса институционализации политической науки в России, русские мыслители в своем творчестве не только предпочитали «ненаучные» и художественные приемы (метафора, ирония и т. п.), но и использовали дедуктивные, логико-философские и морально-аксиологические подходы к объяснению и оценке окружающей действительности (того, что есть) и идеалов (того, что должно быть). Исходя из этого, считает А.А. Ширинянец, трудно разделить корпус исследуемых текстов на сугубо «научные», «политологические» и художественные, так как форма и содержание большинства источников характерны скорее для художественных и публицистических произведений, чем для научных трактатов [там же].

Аналогичную позицию занимает и другой исследователь российской политической мысли – Е.Н. Моцелков: «В тот период понятие “литература”, литературное произведение было значительно шире, чем современное. Под ним понимались не только художественные произведения (проза, поэзия и т. д.), но и книги, посвященные гуманитарной (в т. ч. и политической) проблематике. Да и сами художественные произ-

ведения крупнейших русских писателей XIX века содержали солидные фрагменты с философским и социально-политическим содержанием» [35, с. 57–58]. Учёный отмечает, что термин «политическая литература» имел широкое хождение в академических кругах, в частности, в работах Ю.Г. Жуковского, В.И. Сергеевича, а А.Л. Блок назвал своё исследование «Политическая литература в России и о России (Вступление в курс русского государственного права)» [там же, с. 53].

Особенности общественно-политической мысли России, по мнению исследователей, были определены её геополитическим положением, предполагавшим заимствования западной и восточной мысли, а также политическими, социальными, национальными, религиозными и другими факторами [36, с. 88; 37, с. 15–16], которые в конечном счёте и обусловили выбор актуальных вопросов и определили средства их решения.

Сравнивая развитие российской политической мысли с западной, А.Я. Пляйс видит специфику отечественного случая в том, что, во-первых, политическая мысль России была занята осмыслением и оправданием политической практики, а не шла впереди неё, как это было на Западе. Во-вторых, он высказывает точку зрения, что политическая мысль России долго развивалась в недрах религиозного, православного мировоззрения, тогда как в западных странах религиозное влияние на политическую мысль продолжалось до XVI в. Исследователь делает вывод, что в отличие от западной политической мысли политическая мысль России преодолевала принципиально иной путь развития, и вследствие значительного отставания России от Запада в социально-политической и экономической областях к концу XIX в. в Российской империи получили развитие лишь некоторые направления политической науки [37, с. 4, 15].

Анализируя количество публикаций, посвящённых в последние годы проблемам русского консерватизма XIX–XX вв., можно утверждать, что научный интерес к данной теме достаточно высок [6; 7; 14; 16; 19–23; 46; 48; 49]. По мнению А.Ю. Минакова, «изучение русского консерватизма явно вышло за пределы начальной стадии “накопления фактов”», исследователи начали ставить перед собой широкие обобщающие задачи [32, с.142].

Относительно времени зарождения данного общественно-политического течения в гуманитарной науке существуют различные точки зрения. В.А. Гусев видел рождение русского консерватизма, «предконсерватизма» в текстах митрополита Иллариона XI в. [7, с. 40]. Американский исследователь Р. Пайпс относит генезис консерватизма к XIV в., полагая, что с той поры он являлся господствующим направлением в российской политической мысли на протяжении всей её истории [38, с. 16–17, 48]. Большинство исследователей возникновения русского консерватизма связывают с первым десятилетием XIX в. Весьма распространённым мнением в российской политической науке является признание А.С. Шишкова и Н.М. Карамзина родоначальниками российского консерватизма.

Непосредственным поводом для рефлексии и артикуляции консервативных ценностей, по мнению представителей данного политического течения, явились Великая французская революция как явление внешнеполитического порядка и либеральные реформы под руководством М.М. Сперанского в первой четверти XIX в. как внутривосточный процесс. «Россия же существует около 1000 лет и не в образе дикой Орды, но в виде государства великого, а нам все твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто бы мы недавно вышли из темных лесов американских! Требуем более мудрости хранительной, нежели творческой», – писал Н.М. Карамзин в «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении» [15, с. 63].

Исследователи рассматривают российский консерватизм как ответ на беспрецедентный вызов радикальной модернизации, проявлениями и символами которой стали реформы Петра I, либерализм императора Александра I, галломания значительной части русского дворянства, экспансия Наполеона I, Отечественная война 1812 года [33, с. 6]. В российской политической науке ранний этап консерватизма обозначен как традиционализм [50, с. 137], который квалифицируется преимущественно как идеология феодально-аристократической реакции и апологии феодальных устоев и дворянских привилегий [30, с. 20]. Социальной группой, сформулировавшей ядро консервативных ценностей, по мнению исследователей, явилась обладавшая «психологией душевладельцев» [29, с. 68] земельная аристократия, выразившая исторический пессимизм по поводу происшедших в Европе и России событий.

Исследователи подчёркивают, что российская аристократия, несмотря на общее происхождение, положение, интеллектуальную среду, была весьма неоднородна. Ю.М. Лотман точно подметил, что одна и та же дворянская среда породила людей с противоположными взглядами – декабристов, и консерваторов [26, с. 83]. Важно отметить и то, что в консервативном лагере на этапе его становления не было единства, что, в частности, выразилось в литературно-языковых спорах шишковистов и карамзинистов – между «Беседой» и «Арзамасом» [2, с. 354].

Некоторые исследователи в области истории политической мысли полагают, что в начале XIX в. границы между консервативным и либеральным мировоззрением в России были весьма условны. А. Мартин пишет, что «большая часть их духовных исканий была своего рода попыткой сочетать самодержавие и крепостничество с уважением человеческого достоинства и тонкой моральной чувствительностью, которая во всё возрастающей степени требовалась от каждого культурного европейца» [28, с. 86]. По мнению Е.А. Вишленковой, демаркационная линия между либеральной и консервативной политической мыслью лежит в присущем данному человеку способе освоения пространства политического, при котором мир ассоциируется с такими понятиями, как любовь, семья, братство [4, с. 21]. Консервативная политическая мысль,

по Вишленковой, представляет собой попытку переосмысления просветительских идей с позиций христианской морали [там же].

Аналогичной позиции в вопросе о схожести/расхождении между либерализмом и консерватизмом, об их «пограничном состоянии» придерживаются А.С. Карцов и В.В. Шелохаев, предлагая обозначать рассматриваемое нами течение как «консервативный либерализм», или «либеральный консерватизм» [17, с. 9; 57, с. 55]. «Расхождения между либерализмом и консерватизмом не следует ни затушевывать, ни преувеличивать, – пишет А.С. Карцов. – Отличия сводятся к разному выстраиванию ценностной иерархии и разным ответам на вопрос о порядке проведения этих ценностей в жизнь» [17, с. 9]. В качестве аргумента он приводит перелом в биографиях многих российских консерваторов, в ходе которого мыслители отказывались от своих либеральных установок и становились адептами консерватизма. Действительно, Карамзин, Уваров, Леонтьев, Победоносцев в той или иной степени писали о политической свободе в годы своей молодости. Это даёт основание А.Ф. Замалееву характеризовать российский консерватизм как «либерально-консервативный реформизм», выделяя его религиозный и светский варианты [10, с. 99].

На следующем этапе исторического развития России, связанном с царствованием Николая I, русский консерватизм становится основой государственной идеологии, отражаясь в «афористической триаде» [13, с. 250] министра просвещения С.С. Уварова «Православие. Самодержавие. Народность». В этот исторический период в академической гуманитарной науке в трудах М.П. Погодина и С.П. Шевырёва развиваются консервативные идеи. «В 30-х и 40-х годах только консерваторы пользовались уважением; только они делали карьеру и составляли себе состояние», – писал К.Н. Леонтьев [24, с. 362]. В конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. возникает славянофильство как течение общественно-политической мысли, которое, по словам В.Г. Графского, «поддерживало консервативно понятую идею народности» [5, с. 4].

В генетической связи со славянофильством оформляется такое течение, как почвенничество, появляются труды Н.Я. Данилевского, К.Н. Леонтьева, М.Н. Каткова, которые в период либеральных реформ Александра II приобретают черты оппозиционного течения российской общественно-политической мысли.

После эпохи Великих реформ в правление Александра III консерватизм возвращается в качестве государственной идеологии и получает теоретическую разработку в трудах К.П. Победоносцева и Л.А. Тихомирова. Последнего, без сомнений, можно назвать самым крупным теоретиком-консерватором дореволюционной России. Некоторые исследователи называют его неоконсерватором, а представляемую им политическую мысль – неоконсерватизмом [13, 272; 43, с. 5]. Э.А. Попов полагает, что именно в конце XIX – начале XX столетия рус-

ская консервативная мысль вступила в принципиально новый фазис своего развития, что проявилось в наполнении новым идейным содержанием старых монархических формул и в выборе более адекватной для того времени «методологии» идейно-теоретической работы [5, с. 6; 34, с. 4–5].

Среди учёных-эмигрантов необходимо назвать имена таких теоретиков консерватизма, как И.А. Ильин и И.Л. Солоневич. В то же время разработкой отдельных политологических концептов занимались и такие известные мыслители, как Н.А. Бердяев, С.Н. Трубецкой, П.И. Новгородцев и др.

Выделение данных этапов в развитии российского консерватизма напрямую связано с направленностью государственной политики страны в XIX в., которая представляла собой последовательную смену реформ и контрреформ [39]. Консерватизм менял статус оппозиционной мысли на государственный в зависимости от вектора официального курса. «Если мы внимательно прочтем то, что писали так называемые охранители... то мы с удивлением обнаружим в их творчестве и гражданской позиции явный элемент оппозиционности существующей власти», – считают А.А. Ширинянец и К.В. Рясенцев [58, с. 65]. А.В. Ремнев пишет, что «консерваторы были всегда как бы в обороне, борясь с неутомимо надвигающейся революцией», поскольку на них давила и неофициальная либеральная, и официальная правительственная цензура [44]. Даже в условиях господства консерватизма как государственной идеологии теоретики-консерваторы в некоторых аспектах были более правыми в своём спектре, чем существовавшая в России власть, о чём свидетельствует не только компендиум выражаемых ими идей, но и тот факт, что они периодически попадали в опалу государя-императора и не могли найти практического применения своим идеям.

Многие исследователи российского консерватизма отмечают трагическое политическое одиночество его представителей. Изучение дневников, личной корреспонденции показывает глубину отчаяния даже занимавшего пост обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева. Он с прискорбием отмечал кадровый кризис российской бюрократии, жаловался на то, что не с кем работать, нельзя найти нужных людей [42, с. 84]. А.Л. Янов, объясняя невостребованность российских мыслителей, связывал её с нефункциональностью «бездарной системы» «российского политического болота», которая отторгает «самостоятельный ум любого направления» [60, с. 107]. А.В. Ремнев полагает, что при высоком идейном пафосе теоретических исканий консерваторов в жизни они являли собой людей растерянных и деятельно бесплодных, а потому считает российский консерватизм слабым политическим направлением [44]. Он высказывает мысль, что в условиях самодержавной России консерватору было несравненно тяжелее, чем демократу или либералу, писать и публиковать свои труды. В качестве наиболее яркого примера данного факта можно привести трудно-

сти, которые испытывал при публикации своего исследования «Россия и Европа» Н.Я. Данилевский [1, с. 59–60].

Российский консерватизм, на мой взгляд, представляет собой уникальное сочетание критики, апологетики и утопии. Консерватизм как критическая теория детально проанализировал негативные стороны функционирования либеральной представительной демократии, констатируя элитарные теории власти и политики.

Относительно утопических и апологетических сторон консерватизма, И.А. Исаев и Н.М. Золотухина считают, что понятия идеального православия, идеальной монархии и идеальной народности позволили консерваторам пойти на компромисс с существующей системой социального и политического бытия [13, с. 267]. Исаев полагает, что утопия консерватизма состоит в стремлении создать рай на земле, но поскольку реализация идеала на практике ведёт к разочарованию, то оно психологически компенсируется развитием спекулятивного синтеза идеала и действительности: «В рамках консервативного мышления социальное бытие не может быть логически обосновано, так как его первопричина находится в некоей высшей и парящей силе. На уровне социального воздействия эта первопричина реализуется в абсолютном общественном идеале, также стоящем над всеми прочими элементами социального бытия и несводимого к ним. Путь к идеалу лежит через постепенное восхождение, но его осуществление может быть достигнуто только через преобразование... Здесь консервативное мышление непосредственным образом смыкается с областью теологии» [12, с. 159–160].

Оправдывая определённые ценности и институты традиционного общества, консерваторы стремились расположить их в определённой иерархии. Ядро «универсальных, вечных» ценностей, помимо уже названных элементов теории официальной народности, составляли семья, традиция, принципы социальной иерархии и стабильности. По мнению Пайпса, квинтэссенцией русского консерватизма явилось самодержавие [38, с. 12]. Данная ценность в объяснении исследователей была обусловлена значительной ролью мощного централизованного государства, которое сформировалось в силу больших пространств и военных угроз со стороны Запада и Востока [7, с. 40]. Начиная с работ Н.М. Карамзина, необходимость сохранения «палладиума России» обосновывалась в трудах консерваторов и с исторической, и с функциональной, и с психологической точек зрения.

Вторая ценность – православие – определялась влиянием религии на все стороны российской общественной жизни. Православие, по мнению исследователей, прежде всего придавало сакральный характер самодержавной власти российских государей, а его идеалы сдерживали перерастание государственной власти в абсолютизм, сводя на нет необходимость реформ. На мой взгляд, российские консерваторы рассматривали православие как форму идеологии, при существовании которой

становится бессмысленным формирование других идеологий, в том числе и консервативных. Это объясняет тот факт, что сами консерваторы отказывались признавать в себе политиков. Стремление доказать, что право на занятие политикой может принадлежать только монарху, приводило к тому, что под данным термином понималась международная политика. Анализируя раздел «Политика» в журналах консерваторов, начиная с «Вестника Европы» Карамзина, можно утверждать, что внутрироссийские политические события в ней отражения не имели. Практически каждый из мыслителей-консерваторов старался подчеркнуть момент своей аполитичности, предваряя свои исследования.

«Народность» – третий элемент триады – трактуется исследователями, как правило, как принцип отстаивания самобытной национальной культуры. В этом смысле российский консерватизм можно назвать русским. Данный концепт сформировался в российском консерватизме на фоне неприятия западноевропейской культуры, приобретая черты антизападничества. Последнее обстоятельство прослеживается в работах всех мыслителей для обоснования исключительности России в ряду цивилизаций. Собственно, судьба России – главный предмет осмысления и теоретизирования российских консерваторов. Можно утверждать, что и самодержавие, и православие составляют лишь элементы национального колорита в теориях консерваторов. Поэтому, на мой взгляд, среди мыслителей данного спектра так ярко выражены интересы к национальной истории и ориентация на прошлое. В.А. Ачкасов выделяет историсофичность как черту русского консерватизма, которая была задана усилиями Карамзина [3, с. 135].

Интерес к национальной культуре и национальной истории, в свою очередь, объясняется исследователями синдромом догоняющей модернизации [27, с. 31]. По моему мнению, осознавая отставание России от уровня развития европейских стран, консерваторы стремились создать собственную модель, которая решала бы одновременно две проблемы – догнать Европу и сохранить самобытность российской культуры. По мнению В. Страды, «в странах с запоздавшей и встретившей сопротивление модернизацией» были выдвинуты некие антимодерные теории псевдомодернизации, принимающие материальные инструменты Модерности (техника, индустриализация и т.д.), но при этом отвергающие ее духовные инструменты (демократия, плюрализм) [52, с. 58].

Вопрос о содержании, темпах и методах проведения реформ являлся ключевым для консерваторов. С точки зрения Д.И. Шаронова, российские консерваторы стремились отыскать способы наименее болезненно «вписать» инновационные процессы в систему непреходящих ценностей культуры: «Консервативная мысль была призвана сбалансировать начала творческой инициативы и исторической преемственности, духовно-моральных ориентиров и рационально-прагматических» [56, с. 61]. А.В. Репников полагает, что консерваторы видели решение

проблем, стоявших перед страной не в радикальной ломке, а в опиравшемся на национальный опыт постепенном эволюционном реформировании системы [46, с. 7]. Т.А. Филиппова подчёркивает, что российский консерватизм в теории и практике представлял собой не учение, не набор доктрин, а определенный тип реагирования на перемены в обществе, особый характер политического поведения, близкий к классическому британскому определению консервативной политики как политического компромисса, предполагавшего способность к сохранению при готовности к улучшению [55, с. 37–38].

Стремление консерваторов обосновать самобытность русской цивилизации приводило к желанию выработать и национальные принципы политической теории, задача которой состояла в отражении русского национального бытия. Вопрос о том, образовали ли российские консерваторы собственную научную школу, выработали ли общую методологию, способы анализа и решения проблем, степень концептуального единства, до сих пор дискутируется в исследовательском пространстве. А.С. Карцов, на мой взгляд, справедливо утверждает, что российские консерваторы имели двойственное отношение к социальной теории как таковой [18, с. 41]. Он считает, что консерваторы критиковали практически все существовавшие на тот момент доктрины, использовали иррациональные неформализованные категории в своих построениях, но в то же время признавали пользу сознательного и делали обобщения [там же, с. 43]. Консерваторы отказывали научному знанию в цельности, полагая, что оно неизбежно должно переплетаться с религиозным учением. Н.Я. Данилевский писал по этому поводу: «Всякая же другая достоверность, философская, метафизическая и даже положительно научная, недостижима: для немногих избранных, умственно развитых потому, что им известно, что наука и мышление незавершимы, что они не сказали и никогда не скажут своего последнего слова, что, следовательно, к результатам их всегда примешаны сомнение, возможность и необходимость пересмотра, переисследования, и притом в совершенно неопределенной пропорции; для массы же – по той еще более простой причине, что для нее она недоступна» [8, с. 528].

К.П. Победоносцев отмечал, в свою очередь, ограниченность современного социально-гуманитарного знания в силу его кабинетного происхождения. В работе, посвящённой достижениям французского учёного Ле Пле, он настаивал: «Вся задача сводится не к кабинетному ученому рассуждению об устройстве быта народов, как это делал Руссо, но к странствованию по всему свету с целью собрать как можно более фактов, тщательная разработка которых должна открыть тайну устройства человеческих обществ и основные законы, – нарушение коих влечет за собою падение и разложение этих обществ» [41, с. 109].

Консерваторы стремились создать национальный русский канон гуманитарного знания, построенный на синтезе православных принципов,

западной философии, соединяющий знание и веру, разум и чувства. Видимо, поэтому социальная и политическая реальность, создаваемая консерваторами в своих текстах, отличалась спиритуализмом, традиционализмом, органицизмом, иерархизмом, телеологизмом, холизмом [18, с. 41–56].

Приоритет тех или других указанных нами консервативных ценностей даёт возможность современным исследователям классифицировать данное течение по определённым направлениям. А.Ю. Минаков утверждает, что в русском консерватизме на разных этапах существовали различные течения, которые можно назвать церковным, масонским, мистико-космополитическим, либеральным консерватизмом, однако эти течения не доминировали в русском консерватизме и не определяли его специфику [31, с. 8–12]. Исследователи из Поморского университета обнаруживают прежде всего два направления – «охранительный» консерватизм и «либеральный» консерватизм [9, с. 53]. М.Ю. Чернавский предлагает разделять консерватизм на ситуативный и содержательный, полагая, что данная классификация в наибольшей степени подходит для России [59]. Ситуативный консерватизм, по его мнению, обусловлен прерывистостью исторического развития страны, когда нельзя выстроить вневременные ценности, а содержательный позволяет определить набор консервативных ценностей.

А.А. Ширинянц и К.В. Рясенцев отмечают высокий уровень образования российских консерваторов XIX – начала XX в., которые представляли цвет русской нации, интеллектуальное средоточие «русского народного духа» [58, с. 64]. В качестве аргументов он указывает, что, во-первых, российские консерваторы отличались опорой на солидную интеллектуальную традицию как западной, так и русской науки, во-вторых, знанием и осознанием социально-политической истории, в-третьих, трепетным отношением к домашнему быту русского народа [там же]. Действительно, будучи представителями правящего класса, российские консерваторы получили классическое образование, владели несколькими иностранными языками, некоторое время жили в Европе, в своих работах ссылались на классиков западной мысли (Гоббса, Руссо, Вольтера, Шатобриана и др.), были в курсе всех интеллектуальных новинок Европы. С.С. Уваров был общепризнанным специалистом в области древнегреческой литературы, С.П. Шевырев известен своими исследованиями творчества Данте, И.А. Ильин – философии Гегеля и т. д. Многие российские консерваторы имели опыт личного знакомства с представителями западного социально-гуманитарного знания: Карамзин встречался с Кантом, Уваров переписывался с Гёте, И.А. Ильин прослушал лекции Гуссерля.

Исследователи отмечают также широкую направленность творчества российских консерваторов, разносторонность сферы приложения их сил. Они занимались и литературной, и исторической, и издательской, и переводческой, и публицистической, и преподавательской деятельно-

стью. Наиболее важно, на мой взгляд, отметить связь консервативной общественно-политической мысли с литературой. В научных публикациях и учебниках по истории политической мысли много места отводится русским писателям, отразившим в своём творчестве консервативные установки – Н.В. Гоголю, Ф.М. Достоевскому, Л.Н. Толстому и др. В.В. Зеньковский писал, что впервые проблему «Россия–Европа» прочувствовал Гоголь [11, с. 27]. Писатели имели более широкий круг читателей, чем студенческая аудитория немногочисленных на тот момент российских университетов; они «владели умами» образованного российского общества, внушая свои гражданские и политические взгляды. Дружеско-приятельские отношения сложились между К.П. Победоносцевым и Ф.М. Достоевским, Н.Н. Страховым и Л.Н. Толстым, И.А. Ильиным и И.С. Шмелёвым. Все консерваторы высоко оценивали роль слова. В частности, Победоносцев писал: «Слово – драгоценное создание духа, драгоценное орудие дел человеческих. Оно призвано служить делу, но и само оно, в некотором смысле, есть дело» [41, с. 298]. Обращение теоретиков консерватизма к собственному художественному творчеству, по моему мнению, было связано с целым рядом причин. Во-первых, заниматься политикой напрямую в современной консерваторам царской России было сложно и опасно. Во-вторых, свои теоретические идеи они дополняли более доступными для читателей образами, создаваемыми в собственных произведениях. В-третьих, консерваторы обращались к художественному творчеству, чтобы продемонстрировать свои таланты. И наконец, в-четвёртых, многим консерваторам важно было обратиться к слову в силу недоступности кафедр.

Значительная часть русских консерваторов использовала в качестве фактической аргументации создаваемые литераторами образы носителей власти – государей, чиновников различного ранга, а также народные образы – русских баб, мужиков и пр. В этом И.Л. Солоневич видел слабость русского консерватизма, поскольку, с его точки зрения, ссылка мыслителей на создаваемые писателями образы предопределила незнание ими русского народа, привела к отрыву от адекватного отражения действительности: «Методологическая ошибка построения русской души заключается по преимуществу в том, что эта душа изучалась не по фактам русской жизни, а по образцам русской литературы... Князя Мышкины, Раскольниковы, Карамазовы Достоевского, «лишние люди» Чехова, босяки Горького явились типичным олицетворением русской души... Остались без всякого литературного отражения именно те люди, которые эту империю все-таки построили» [51, с. 33–34].

Консерваторы также обращались и к публицистике, использовали журналы как средство для популяризации своих идей. Л.А. Тихомиров по этому поводу писал в «Монархической государственности»: «Русская политическая мысль, насколько она сделала успехов в национальном духе, всем обязана не государственной науке, кото-

рая прививала европейские идеи и понятия, а публицистике» [53, с. 331]. Начиная с Н.М. Карамзина, который издавал «Вестник Европы», необходимо отметить М.П. Погодина и С.П. Шевырёва с их журналом «Москвитянин», И.В. Киреевского с «Европейцем», Н.Н. Страхова с журналами «Время» и «Эпоха», М.Н. Каткова с «Русским вестником», Аксакова И.С. с газетой «День» и др.

Подводя итоги относительно вклада российского консерватизма в развитие общественно-политической мысли, следует отметить, что самым значительным его достижением, на мой взгляд, являются поиск национальных форм интеллектуального знания, проработка культурного фундамента политических проблем, выход за пределы узкоинституционального понимания государственности.

Список литературы

1. Авдеева Л.Р. Русские мыслители: А.А. Григорьев, Н.Я. Данилевский, Н.Н. Страхов. М., 1992.
2. Алтышуллер М. Беседа любителей русского слова: У истоков русского славянофильства. 2-е изд., доп. М., 2007.
3. Ачкасов В.А. Запад как значимый другой России // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции: материалы Междунар. науч. конф., 15 февраля 2002 г. СПб., 2002. С. 132–145.
4. Вишленкова Е.А. Война и мир в политической риторике России первой четверти XIX века // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 13–27.
5. Графский В.Г. Политические и правовые взгляды русских народников (истоки и эволюция). М., 1993.
6. Гросул В.Я., Итенберг В.С., Твардовская В.А., Шацилло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика. М., 2000.
7. Гусев В.А. Русский консерватизм: основные направления и этапы развития. Тверь, 2001.
8. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. М., 2010.
9. Есюков А.И., Честнейшин Н.В., Честнейшина Д.А. Социальная философия русского консерватизма. Архангельск, 2009.
10. Замалеев А.Ф. Учебник русской политологии. СПб., 2002.
11. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа / сост. П.В. Алексеева. М., 2005.
12. Исаев И.А. Политико-правовая утопия в России конца XIX–начала XX в. М., 1991.
13. Исаев И.А., Золотухина Н.М. История политических и правовых учений. XI–XX вв. М., 1995.

14. Камнев В.М. Хранители и пророки: Религиозно-философское содержание русского консерватизма. СПб., 2010.
15. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях / прим. Ю.С. Пивоварова. М., 1991.
16. Карцов А.С. Правовая идеология русского консерватизма. М., 1999.
17. Карцов А.С. Предисловие // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции: материалы Международной научной конференции, 15 февраля 2002 г. СПб., 2002. С. 5–22.
18. Карцов А.С. Русский консерватизм как интеллектуальная традиция // Консерватизм и либерализм: история и современные концепции: материалы Междунар. науч. конф., 15 февраля 2002 г. СПб., 2002. С. 41–56.
19. Консерватизм в России («круглый стол») // Социологические исследования. 1993. № 1. С. 43–61.
20. Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / отв.ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2004. Ч. 1.
21. Консерватизм в России: проблемы, поиски решения // Отечественная история. 2001. № 3. С. 103–133.
22. Консерватизм и либерализм: история и современные концепции: материалы Междунар. науч. конф., 15 февраля 2002 г. СПб., 2002.
23. Консерватизм как течение общественной мысли и фактор общественного развития: материалы круглого стола // Полис. 1995. № 4. С. 33–59.
24. Леонтьев К.Н. Избранное. М., 2010.
25. Лисица Ю.Т. Консервативная мысль Ивана Ильина // Ильин И.А. О воспитании национальной элиты / сост., вступ. ст. и коммент. Ю.Т. Лисицы. М., 2001. С. 5–14.
26. Лотман Ю.М. П.А. Вяземский и движение декабристов // Учен. записки Тартуск. гос. ун-та. Тарту, 1960. Вып. 98. С. 82–112.
27. Малинова О.Ю. Традиционалистские и прогрессивные модели национальной идентичности в общественно-политических дискуссиях 1830–1840-х гг. в России // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 27–50.
28. Мартин А. «Патриархальная» модель общественного устройства и проблемы русской национальной самобытности в «Русском вестнике» С.Н. Глинки (1808–1812 гг.) // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 85–116.
29. Мартин А. Фёдор Васильевич Ростопчин – герой 1812 года или предшественник черных сотен? // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 67–79.

30. Мельвиль А.Ю. США – сдвиг вправо? Консерватизм в идейно-политической жизни США 80-х гг. / отв. ред. Ю.А. Замошкин. М., 1986.
31. Минаков А.Ю. Предисловие // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 8–12.
32. Минаков А.Ю. Русский консерватизм в современной историографии: новые подходы и тенденции изучения // Вопросы истории. 2005. № 6. С. 133–142.
33. Минаков А.Ю., Репников А.В. Консерватизм в России // Русский консерватизм середины XVIII–начала XX века: энцикл. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 6–18.
34. Мочкин А.Н. Парадоксы неоконсерватизма (Россия и Германия в конце XIX – начале XX века). М., 1999.
35. Мощелков Е.Н. История философии права в университетском образовании России (XIX – начало XX в.). М., 2011.
36. Мухаев Р.Т. Политология: учебник. М., 2010.
37. От политической мысли к политической науке: справочник персоналий российской политической науки с древнейших времен до современности / автор-сост. Я.А. Пляйс М., 1999.
38. Пайпс Р. Русский консерватизм и его критики: исследование политической культуры. М.: Новое издательство, 2008. 252 с.
39. Пантин В.И., Лапкин В.В. Волны политической модернизации в истории России: к обсуждению гипотезы // Полис. 1998. № 2. С. 39–51.
40. Пивоваров Ю.С. Русская политическая мысль как предпосылка русской политической науки. URL: <http://politconcept.sfedu.ru/2009.3/06.pdf>
41. Победоносцев К.П. Избранное / сост., автор вступ. ст. А.В. Репников. М., 2010.
42. Победоносцев К.П. Тайный правитель России: Письма и записки, 1866–1895. Статьи. Очерки. Воспоминания / сост. Т.Ф. Прокопов. М., 2001.
43. Попов Э.А. Разработка теоретической доктрины русского монархизма в конце XIX – начале XX века: автореф. дис.... канд. ист. наук. Ростов н/Д, 2000.
44. Ремнев А.В. Крестный путь Льва Тихомирова. URL: <http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y1997s/a113/article.shtml>
45. Репников А., Милевский О. Две жизни Льва Тихомирова. М., 2011.
46. Репников А.В. Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
47. Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: хрестоматия / под ред. А.А. Ширинянца. М., 2011.

48. Русский консерватизм середины XVIII–начала XX века: энцикл. / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010.
49. Смолин М.Б. Очерки Имперского пути: неизвестные русские консерваторы второй половины XIX – первой половины XX века. М, 2000.
50. Соловьев Э.Г. У истоков российского консерватизма // Полис. 1997. С. 137–147.
51. Солоневич И.Л. Белая империя: статьи. 1936–1940. М., 1997.
52. Страда В. Западничество и славянофильство в обратной перспективе // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 57–64.
53. Тихомиров Л.А. Монархическая государственность / сост., автор вступ. ст., коммент. А.В. Репников. М., 2010.
54. Тонких В.А., Ярецкий Ю.Л. История политической и правовой мысли России: учеб. пособие для вузов. М., 1999.
55. Филиппова Т.А. Иван Александрович Ильин // Ильин И.А. Избранное / сост., авторы коммент. Т.А. Филиппова, П.Н. Баратов, автор вступ. ст. Т.А. Филиппова. М., 2010. С.5–43.
56. Шаронов Д.И. Концепция органической демократии И.А. Ильина // Вестн. МГУ. Сер. 12, Социально-политические исследования. 1994. № 1. С. 60–71.
57. Шелохаев В.В. Состояние современного историографического поля российского либерализма и консерватизма // Консерватизм в России и мире: в 3 ч. / отв. ред. А.Ю. Минаков. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 50–62.
58. Ширинянец А.А., Рясенцев К.В. Степан Петрович Шевырëв // Шевырëв А.С. Избр. тр. М., 2010. С. 5–67.
59. Чернавский М.Ю. Два подхода к определению консерватизма // Традиционализм и консерватизм на юге России. Южнороссийское научное обозрение. 2002. Вып. 9. URL: <http://conservatism.narod.ru>.
60. Янов А.Л. Славянофилы и Константин Леонтьев (русская политическая мысль XIX века и её интерпретаторы) // Вопросы философии. 1969. № 8. С. 97–107.

RUSSIAN CONSERVATISM IN THE CONTEXT OF THE NATIONAL POLITICAL THOUGHT DEVELOPMENT

N.N. Kozlova

Tver State University, Tver

The author analyzes the formation, development stages, content, specific traits of the Russian conservative political thought revealing its contribution to the development of the national political philosophy.

Keywords: *conservatism, traditionalism, «Orthodoxy. Autocracy. Nationalism», apologetics.*

Об авторе:

КОЗЛОВА Наталья Николаевна – к.и.н., доц. каф. политологии
ФГБОУ ВПО «Тверской государственной университет», Тверь. E-mail:
n_s@pochta.ru

Author information:

KOZLOVA Natalia Nikolaevna – Ph.D., Assoc. Prof. of Political Sci-
ence Dept. of Tver State University, Tver. E-mail: n_s@pochta.ru